

www.e-rara.ch

Pamjati čikagskich mučenikov

Iliášvili, K.

[Ženeva], 1905

Universitätsbibliothek Bern

Shelf Mark: SOB RRA 96:8

Persistent Link: <https://doi.org/10.3931/e-rara-49662>

www.e-rara.ch

Die Plattform e-rara.ch macht die in Schweizer Bibliotheken vorhandenen Drucke online verfügbar. Das Spektrum reicht von Büchern über Karten bis zu illustrierten Materialien – von den Anfängen des Buchdrucks bis ins 20. Jahrhundert.

e-rara.ch provides online access to rare books available in Swiss libraries. The holdings extend from books and maps to illustrated material – from the beginnings of printing to the 20th century.

e-rara.ch met en ligne des reproductions numériques d'imprimés conservés dans les bibliothèques de Suisse. L'éventail va des livres aux documents iconographiques en passant par les cartes – des débuts de l'imprimerie jusqu'au 20e siècle.

e-rara.ch mette a disposizione in rete le edizioni antiche conservate nelle biblioteche svizzere. La collezione comprende libri, carte geografiche e materiale illustrato che risalgono agli inizi della tipografia fino ad arrivare al XX secolo.

Nutzungsbedingungen Dieses Digitalisat kann kostenfrei heruntergeladen werden. Die Lizenzierungsart und die Nutzungsbedingungen sind individuell zu jedem Dokument in den Titelinformationen angegeben. Für weitere Informationen siehe auch [Link]

Terms of Use This digital copy can be downloaded free of charge. The type of licensing and the terms of use are indicated in the title information for each document individually. For further information please refer to the terms of use on [Link]

Conditions d'utilisation Ce document numérique peut être téléchargé gratuitement. Son statut juridique et ses conditions d'utilisation sont précisés dans sa notice détaillée. Pour de plus amples informations, voir [Link]

Condizioni di utilizzo Questo documento può essere scaricato gratuitamente. Il tipo di licenza e le condizioni di utilizzo sono indicate nella notizia bibliografica del singolo documento. Per ulteriori informazioni vedi anche [Link]

Издание Группы „ХЛѢБЪ и ВОЛЯ“.

К. ИЛІАШВИЛИ.

A-2'024'143

ПАМЯТИ

Чикагскихъ Мучениковъ

Съ приложеніемъ статьи изъ Révolte.

RRA 96:8

1905.

Надпись (рукоп.) "ХАБЕР" в 1808

ИЗВЕЩЕНИЕ

ПАМЯТ

УВЕЩАНИЕ

Об уведомлении граждан

1808

Об уведомлении граждан

1808

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Середина 80-хъ годовъ ознаменовалась событіями, оказавшими огромное вліяніе на рабочее движеніе всего міра. Сила, сдѣлавшая столь грандіозными Чикагскія событія — всеобщая стачка — мало по малу проникла въ рабочую массу Европы, а въ послѣднее время и у насъ въ Россіи, и мученики 87-го года, какъ бы снова ожили въ сердцахъ рабочихъ.

Чикагскія событія — это первая и вмѣстѣ съ тѣмъ грандіозная попытка практическаго осуществленія идеи всеобщей стачки. Чикагскіе мученики — это первые *практики* всеобщей стачки, этой „по истинѣ рабочей мысли“. Чикагскіе мученики — это первые инициаторы идеи перво-майскихъ демонстрацій.

Теперь, когда рабочее движеніе, въ особенности въ латинскихъ странахъ начинаетъ становиться на путь, указанный этими событіями, теперь, когда боевымъ кличемъ пролетаріата становится революціонная всеобщая стачка, съ экспропріаціей буржуазіи, какъ цѣль, нельзя уже игнорировать, нельзя замалчивать Чикагскія событія — эту лучшую страницу исторіи борьбы пролетаріата за свое освобожденіе. Теперь эти событія нужно знать, теперь они перестали быть дѣломъ группы или партіи и стали дорогимъ достояніемъ, кровью купленнымъ опытомъ революціоннаго пролетаріата.

ОЧЕРКЪ ДВИЖЕНІЯ.

Расколъ, происшедшій въ Интернаціоналѣ въ 1872 году на Гаагскомъ конгрессѣ между бакунистами и марксистами, имѣлъ очень важныя послѣдствія не только для европейскаго, но и для американскаго рабочаго движенія. Какъ извѣстно, центръ Интернаціонала марксисты перенесли въ Америку, думая такимъ образомъ спасти Интернаціоналъ отъ Бакунинскаго вліянія.*) Этимъ актомъ марксисты убили великое международное общество рабочихъ, но этимъ же самымъ они перенесли въ Америку и тѣ разногласія и споры, которые разрывали Интернаціоналъ на два крыла: правое, марсистское — социалистовъ-государственниковъ и лѣвое, Бакунинское — социалистовъ-противогосударственниковъ, федералистовъ или, по теперешней терминологіи, анархистовъ. Начало исторіи анархизма въ Америкѣ совпадаетъ приблизительно съ годомъ перенесенія туда центра Интернаціонала и, слѣдовательно, двухъ различныхъ, тѣсно связанныхъ съ Интернаціоналомъ теченій — бакунизма и марксизма

*) Эти строки были уже написаны, когда вышла книга *Morris Hillquit* объ исторіи социализма въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ авторъ подтверждаетъ, что центръ Интернаціонала былъ перенесенъ въ Америку для того, чтобы избавиться отъ вліянія Бакунина. См *Mouvement Socialiste* № 150.

Нужно замѣтить, что въ Америкѣ Интернаціональ с самаго начала встрѣтилъ очень серьезный откликъ. Еще раньше тамъ существовали сильныя рабочія организациі ведущія борьбу съ капиталистами; а когда Интернаціональ сталъ извѣстенъ среди американскихъ рабочихъ они начали посылать на его конгрессы своихъ делегатовъ такъ напримѣръ, на Базельскомъ конгрессѣ Интернаціонала (1869 г.) присутствовалъ Камеронъ, делегатъ отъ *National Labor Union*, насчитывавшей 800 тысячъ рабочихъ.*) Но въ существовавшихъ тогда въ Америкѣ организацияхъ два направленія — Марксистское и Бакунинское — не выступали такъ рѣзко и опредѣленно, какъ это произошло впослѣдствіи, когда была основана въ 1874 году первая соціально революціонная организациа Интернаціональная Партія Рабочихъ Штата Иллинойсъ. Въ этой первой соціально революціонной организациі два направленія — бакунинское и марксистское опять встрѣтились лицомъ къ лицу. Въ далекой Америкѣ живые взгляды Бакунина нашли себѣ страстныхъ сторонниковъ и борьба между ними и марксизмомъ не замедлила вспыхнуть. Буйность бакунинскихъ элементовъ была не по вкусу вновь высадившимся въ Америку марксистамъ, этимъ будущимъ депутатамъ и чиновникамъ, и они открыли походъ противъ бакунистовъ (иначе анархистовъ), этихъ „теоретиковъ всеобщаго разрушенія“.

Рѣзкій характеръ разногласій этихъ двухъ направленій не только не смягчился съ теченіемъ времени, но наоборотъ борьба между ними все болѣе и болѣе обострялась.

*) О. TESTU : *L'Internationale*, стр. 145

Соціалисты-государственники, марксисты и другіе соціалисты-парламентаристы, не имѣя возможности выкинуть за бортъ организациі не нравившихся имъ анархическихъ элементовъ, занялись устройствомъ новой организациі, куда былъ бы запрещенъ входъ всѣмъ „буйнымъ“, „безпокойнымъ“, „стихійнымъ“ элементамъ извѣстными уставными положеніями. Черезъ два года ихъ желаніе осуществилось: была основана такъ называемая Рабочая Партія Соединенныхъ Штатовъ, куда входилъ всевозможный сбродъ парламентаристовъ-оппортионистовъ и прочихъ „соціалиствующихъ“ демократовъ.

Основавъ *рабочую* партію Америки изъ отбросовъ и накипи буржуазнаго общества, соціалисты-государственники и прочіе демократы 1877 года публично объявили, что они прекращаютъ всѣ связи съ интернаціональною партією штата Иллинойсъ и назвали себя окончательно Socialist Labor Party (соціалистическая рабочая партія).

Таковъ былъ процессъ отдѣленія „соціалиствующихъ“ соціаль-демократовъ отъ анархистовъ и „анархистствующихъ“ элементовъ. Эти послѣдніе, послѣ ухода первыхъ, образовали двѣ организациі, которыя своимъ энергичнымъ вмѣшательствомъ въ движеніе 85 и 86 г.г. придали ему глубокой соціалистическій характеръ и широкій революціонный размахъ. Дѣятельность этихъ двухъ организаций такъ тѣсно связана со всѣми событіями 86 и 87 годовъ, что ихъ нельзя разчленить, нельзя говорить объ одномъ, не говоря о другомъ.

Эти организациі назывались: Интернаціональное Общество Рабочаго Народа и Международное Общество Рабочихъ. Первую организацию называли еще „Чернымъ

Интернаціоналомъ“, а вторую „Краснымъ Интернаціоналомъ“. Обѣ имѣли одинъ общій органъ *Die Arbeiter Zeitung*, который по свидѣтельству Гю*), часто проводилъ и защищалъ идею вооруженнаго возстанія противъ власти и капитала. Нужно замѣтить, что обѣ организациі были тайными и въ обѣихъ преобладали боевые рѣшительные элементы.

Какъ эти организациі, такъ и вообще движеніе анархическое, росли и развивались. Послѣ пріѣзда въ Америку Югана Моста**), человекъ смѣлаго и рѣшительнаго, состоялся съѣздъ анархистовъ-коммунистовъ въ Питсбургѣ (1885 г.), гдѣ главнымъ образомъ обсуждались вопросы практическаго характера — въ то время господствовали страшные кризисы, количество безработныхъ сильно расло, въ воздухѣ нахло революціей. Нужно было готовиться къ борьбѣ, некогда было заниматься философией.

* * *

Благодаря главнымъ образомъ дѣятельности огромной организациі „Рыцарей Труда“ и двухъ вышеназванныхъ организациі: „Чернаго Интернаціонала“ и „Краснаго

*) Р. Гю : *L'Anarchisme aux Etats-Unis*.

**) Мостъ издавалъ раньше въ Лондонѣ анархическую газету *Freiheit* и въ 1881 г. былъ приговоренъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію за рѣзкій террористическій характеръ статей его журнала. Но 10-го декабря 1882 г. онъ уже былъ въ Америкѣ, гдѣ онъ и его товарищи имѣли сильное вліяніе среди рабочихъ, въ особенности среди „Рыцарей Труда“.

Интернационала“, все зашевелилось.*) Всѣ болѣе или менѣе революціонные элементы рѣшительно готовились къ бою, одни социальдемократы виляли.

Анархисты всей душой отдались движенію. Ихъ вмѣшательство было тѣмъ болѣе нужно и плодотворно, что трэдъ-юніоны не отличались ни смѣлостью, ни особенно глубокимъ социалистическимъ сознаніемъ; это послѣднее обстоятельство особенно усложняло добровольно взятую на себя анархистами задачу: придать готовящемуся движенію социалистическій характеръ, не дать ему принять форму узко профессиональнаго движенія за мелкія улучшения. Словомъ, на анархистовъ легла обязанность вложить социальную душу въ эту огромную массу, которая начинала уже грозно колыхаться, наводя ужасъ на всю американскую буржуазію.

Время терпѣть, говоритъ пословица; но въ этотъ моментъ время не терпѣло; оно неумолимо требовало рѣшительныхъ дѣйствій. Число безработныхъ увеличивалось не по днямъ, а по часамъ, по улицамъ бродила толпа голодныхъ, сопровождаемая исхудалою, ободранною арміею женщинъ и дѣтей. Всѣ хорошо сознавали, что нужно было что нибудь предпринять. Но что?

Одѣть голыхъ, накормить голодныхъ — это простое и единственно логичное рѣшеніе вопроса не приходило въ голову американскимъ рабочимъ; предразсудки о не-

*) Большое вліяніе также оказали на движеніе двѣ газеты: уже названная выше *Die Arbeiter Zeitung* на нѣмецкомъ языкѣ, выходившая подъ редакціей Шписа и *Alarm* на англійскомъ языкѣ, издававшаяся Парсонсомъ. Первая читалась преимущественно нѣмецкими рабочими, вторая американскими.

нарушимости правъ собственности мѣшали имъ додуматься до этой простой мысли. Въмѣсто этого конгрессъ юніоновъ (1885 г.) рѣшилъ предпринять широкую агитацію за восьми-часовой рабочій день. Надо замѣтить, что и это было сдѣлано неохотно комитетами трэдъюніонскихъ организацій, и они навѣрное не рѣшились бы на этотъ шагъ, еслибы не сильное, энергичное вмѣшательство самихъ рабочихъ — рядовыхъ революціонеровъ.

Собственно говоря восьми-часовой рабочій день впервые былъ выставленъ организаціей „Рыцарей Труда“, которая отличалась своею революціонностью и еще раньше описываемаго нами періода устраивала огромныя стачки-возстанія.

Такъ или иначе конгрессъ 1885 года постановилъ: съ слѣдующаго 1886 года мы, рабочіе, не должны работать больше 8 часовъ въ день, и для осуществленія этого 8-часового рабочаго дня мы должны теперь же предпринять широкую, рѣшительную агитацію.

Восьми-часовой рабочій день, такъ восьми-часовой рабочій день! сказали себѣ наши чикагскіе товарищи и горячо принялись за дѣло, внося въ движеніе свою философію, сѣя повсюду анархическія идеи о современномъ обществѣ, о положеніи рабочаго класса, о необходимости глубокой соціальной революціи, о неизбежности и годности только революціонной борьбы пролетаріата противъ власти и капитала, указывая рабочимъ какъ нужно смотрѣть на реформы вообще и на 8-часовой рабочій день въ частности, развивая по мѣрѣ силъ сознаніе массы, готовя и пробуждая ея энергію къ встрѣчѣ грандіозныхъ событій 1886 года.

* *

*

Чикаго! Трудно опредѣлить однимъ словомъ, какое чувство названіе этого города вызываетъ въ душѣ анархиста. Оно можетъ вызвать злобу, ибо тутъ торжествующая свора сытыхъ негодяевъ задушила, сознательно, цинично, нашихъ лучшихъ товарищей. Оно можетъ вызвать и радость — тутъ была написана одна изъ лучшихъ страницъ исторіи геройской борьбы пролетаріата за свое освобожденіе, тутъ наши товарищи умерли на славномъ посту. Чикаго — это воспоминаніе нашего пораженія, но онъ же есть залогъ нашей будущей побѣды.

Чикаго — типичный городъ капитализма Сѣверной Америки. Нигдѣ, можетъ быть, капитализмъ со всѣми своими послѣдствіями, со всѣми своими противорѣчіями не представляется взору въ такой безобразной наготѣ, какъ здѣсь. Нигдѣ два класса — капиталисты и пролетаріи — такъ рѣзко не разграничены, какъ здѣсь.

Чикаго есть самъ по себѣ цѣлый міръ. Чикаго, это лучшее воплощеніе лихорадочной жизни Соединенныхъ Штатовъ. Исторія его показываетъ, съ какой лихорадочною быстротою онъ росъ и развивался. Въ 1871 году, пожаръ совершенно уничтожилъ весь городъ, насчитывавшій уже тогда 300.000 душъ. По мановенію могучаго жезла капитала, на развалинахъ его выстроился громадный городъ, который въ настоящій моментъ имѣетъ свыше 2-хъ милліоновъ жителей.

Одно слово характеризуетъ Чикаго — business, афера; и дѣйствительно, капиталистическая, торговая, меркантильная дѣловитость доходитъ здѣсь до своего высшаго

пункта. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что въ продолженіи какихъ нибудь 30 лѣтъ Чикаго не только вновь выросъ, но и сдѣлался за это время крупнымъ капиталистическимъ центромъ.*)

Чикаго блеститъ роскошью. Это волшебный уголокъ, царство радости, веселія, богатства и довольства для буржуазіи и міръ печали и слезъ, голода и холода для обездоленного люда. Въ рукахъ однихъ — капиталистовъ, собраны несмѣтныя богатства, а рядомъ съ ними армія бѣдняковъ, лишенныхъ положительно всякой возможности обезпечить себѣ даже полу-голодное существованіе. Эта голодная и холодная толпа состоитъ главнымъ образомъ изъ инородцевъ: нѣмцевъ, ирландцевъ, итальянцевъ, польскихъ евреевъ, поляковъ, чеховъ и др. Это въ полномъ смыслѣ бездомная, безправная толпа, живущая случайностями. У нихъ нѣтъ возможности даже рабскимъ трудомъ избѣгнуть голода; никто изъ нихъ не можетъ заснуть вечеромъ съ увѣренностью, что завтра, послѣ завтра, а можетъ быть и цѣлый рядъ дней ему не придется голодать и, кто знаетъ, можетъ быть умереть голодной смертью.

Когда рано утромъ безработный выходитъ изъ ночлежки или, если ему не посчастливилось, просыпается гдѣ нибудь подъ мостомъ, онъ бѣжитъ къ подъѣзду какого нибудь богатаго дома или фабрики и тамъ ждетъ не позовутъ ли его на какую нибудь работу — перетащить что нибудь, подмести, словомъ, заработать нѣсколько грошей, чтобы имѣть возможность хоть отчасти утолить

*) Р. Гнью : *L'Anarchisme aux Etats Unis.*

свой голодъ. Тамъ онъ почти всегда находить другихъ, такихъ же какъ онъ, пришедшихъ раньше его пытаться счастья. Въ этой не ѣвшей, боящейся голода толпѣ можно услышать такого рода разговоръ:

— Какъ ты думаешь, сосѣдъ, обращается одинъ къ другому, удасть намъ сегодня что нибудь поѣсть?

— Не знаю, хмуро, уныло отвѣчаетъ тотъ.

— Мнѣ хочется надѣяться, что я поѣмъ сегодня.

— Мнѣ тоже хочется.

Такъ говорятъ люди, своимъ трудомъ кормящіе весь міръ. Такъ говорятъ люди, своей бѣдностью созидающіе милліонныя богатства капиталистовъ, своею печалью и слезами создающіе радость, веселіе и довольство для другихъ. Такъ говорятъ безработные рабочіе Чикаго, того самаго Чикаго, который справедливо считается міровымъ амбаромъ, міровою кладовою!...

* * *

Вотъ этому безвыходному положенію рабочихъ и думали помочь юніоны*) введеніемъ 8-часового рабочаго дня.

До 1886 года чикагскіе рабочіе работали 12 - 13 часовъ, и никто не мѣшалъ хозяевамъ заставлять своихъ рабочихъ работать и дольше. Уменьшеніемъ рабочаго дня предполагось увеличить спросъ на рабочія руки и, такимъ образомъ, уменьшить количество безработныхъ. Юніоны руководились главнымъ образомъ этимъ соображеніемъ, выставляя требованіе 8-часового рабочаго дня. Вообще, надо замѣтить, что сами рабочіе были несравненно болѣе революціонно настроены и гораздо рѣшительнѣе своихъ

*) Юніоны — рабочіе союзы по ремесламъ.

комитетовъ. Озлобленность рабочихъ приняла очень серьезный характеръ наканунѣ движенія.

Такъ или иначе, лозунгъ былъ выставленъ:

8 часовъ труда, 8 часовъ отдыха, 8 часовъ ученія.

Но какъ, какими средствами осуществить это требованіе?

Въ процессѣ борьбы, рабочій потерялъ вѣру въ государство, вѣру въ своего депутата, ибо каждый разъ, когда ему приходится дѣйствительно подняться за свои права, первое выставляетъ противъ него всю свою военную и полицейскую силу, а второй всегда оказывается или безсильнымъ, или измѣнникомъ, или же продажнымъ.

Къ какому же средству прибѣгнуть рабочему классу для защиты своихъ поправленныхъ правъ?

На этотъ вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависѣли все дальнѣйшій успѣхъ движенія, рабочіе *сами* нашли отвѣтъ. Здравый смыслъ, интересы своего класса — угнетенныхъ подсказали имъ единственно возможное рѣшеніе вопроса.

„Наши угнетатели, наши грабители и кровопійцы живутъ нашимъ трудомъ, нашимъ рабскимъ трудомъ и послушаніемъ. Объявимъ же „возстаніе труда“ противъ эксплуататоровъ!“

И вотъ идея всеобщей стачки была найдена.*)

Оставить работу, остановить движеніе, прекратить освѣщеніе города, водоснабженіе, остановить снабженіе города провіантомъ, высыпать на улицы съ готовностью

*) Объ историческомъ развитіи идеи всеобщей стачки см. прекрасную статью Пужэ въ *Mouvement socialiste*, №№ 137 и 138. Интересный матеріалъ по этому вопросу можно также найти въ книгѣ В. Поссе: „Какова должна быть программа русскаго пролетарія.“ Вып. III.

на рѣшительныя революціонныя дѣйствія. — Таковъ смыслъ всеобщей стачки, „возстанія труда“ противъ угнетателей труда; и къ этому средству рѣшили прибѣгнуть чикагскіе рабочіе для наиболѣе вѣрнаго достиженія 8-часового рабочаго дня.

Было рѣшено объявить забастовку 1-го мая. Отсюда традиція — ежегодно перваго мая устраивать революціонныя демонстраціи. „Маевка“, дѣйствительно, вначалѣ носила революціонный характеръ; но впослѣдствіи, когда соціалъдемократы, особенно германскіе, тоже начали устраивать маевку, этотъ день потерялъ всякое значеніе, т. к. они превратили его въ базаръ, въ мѣщанскій праздникъ, отъ котораго остаются въ выигрышъ только „партийныя товарищи“ — трактирщики, всегда бойко торгующіе пивомъ 1-го мая.

Не съ кружкой пива встрѣтили чикагскіе рабочіе 1-ое мая. Они устроили революціонную всеобщую забастовку, выставивъ опредѣлнное требованіе и заявивъ, что прекратятъ стачку только по полученіи полного удовлетворенія. И борьба завязалась горячая...

Трудно себѣ представить то раздраженіе, страхъ, остервененіе, въ которое пришла буржуазія, узнавъ, что рабочіе дѣйствительно бросили работу 1-го мая. Они такъ привыкли видѣть рабочихъ своими послушными рабами; такъ привыкли считать рабочій классъ безправнымъ и безсловеснымъ стадомъ, такъ привыкли къ тому, чтобы рабочіе переносили безропотно всѣ ихъ капризы, что прямо не считали ихъ способными на такой смѣлый шагъ. Когда они вдругъ увидѣли, что рабочіе не соглашались уже по прежнему безропотно выносить свою судьбу —

униженныхъ и оскорбленныхъ, они пришли въ неописуемую ярость людей, напуганныхъ новымъ, неизвѣстнымъ дотолѣ пробужденіемъ рабочаго класса.

Нѣтъ ничего жесточе жестокости трусливаго человѣка. И вотъ напуганная, струсившая буржуазія черезъ своихъ наиболѣе авторитетныхъ представителей, черезъ свои газеты, стала требовать самыя жестокія мѣры противъ рабочаго класса. Одни требовали отъ правительства, чтобы оно своею военною силою безъ всякаго поущенія разгоняло всю эту „голь“ съ улицы, чтобы она не портила воздухъ. Другіе сами стали организовывать шайки и даже цѣлыя арміи изъ волонтеровъ.

„Что же съ нами будетъ, кричали буржуа, если рабочіе привыкнутъ къ такимъ шуткамъ? Нѣтъ, непременно нужно въ корнѣ убить зло. Нужно проучить всю эту «голь», всю «рвань», чтобы она не вздумала еще въ другой разъ бунтовать!“ Таковъ былъ боевой кличъ американской буржуазіи.

Но несмотря на всѣ эти взрывы гнѣва и угрозы, движеніе расширялось; ко 2-му мая число стачечниковъ удвоилось; движеніе изъ Чикаго перешло въ другіе города.

Никто не знаетъ точно, сколько было всего стачечниковъ; число, ближе всего подходящее къ истинѣ — 800.000.

Грандіозная это была картина! 800.000 рабочихъ объединенныхъ однимъ общимъ рѣшеніемъ — не терпѣть больше покорно свою тяжелую долю, а требовать и себѣ мѣсто на великомъ жизненномъ пиру — и грозно шествующихъ по улицамъ, наводя страхъ на буржуазію

Берегись, богачи

Бѣдность гуляетъ!

И богачи попрыгались по разнымъ редакціямъ реакціонныхъ газетъ и стали натравлять оттуда на толпу войско и полицію, убѣждая безопасно бить и рѣзать „бунтовщиковъ“. Добровольцамъ же они рекомендовали еще болѣе энергичныя средства. Такъ напр .въ *Chicago Tribune* печатались статьи съ подробнымъ описаніемъ, какъ изготовлять и употреблять разрывные снаряды противъ стачечниковъ. Другая газета, *Chicago Times* рекомендовала употребленіе бомбъ и динамита противъ рабочихъ въ стачкѣ.

Да вообще, буржуазія никогда не стѣснялась давать совѣты употреблять „энергичныя мѣры“ противъ недовольныхъ рабочихъ. Еще въ 1877 году, по поводу стачки желѣзно-дорожныхъ рабочихъ предсѣдатель центральной желѣзно-дорожной компаніи Томмъ Скотъ (просто скотъ) писалъ пенсильванскому губернатору: „Назначьте стачечникамъ ружейную діету и вы увидите, какъ имъ поправится такого рода нища. Въ слѣдующемъ году (1878) *New-York Tribune*, говоря о стачечникахъ, выразилась слѣдующимъ образомъ: „На этихъ скотовъ иначе какъ силою не подѣйствуешь, а потому имъ надо дать такой урокъ, чтоты они не забыли его въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній.“ Это сказано довольно сильно, но недостаточно опредѣленно по мнѣнію *Chicago Times* ни она смѣшить поставить точку надъ і. Со всею цинич остью струсившаго буржуа, газета заявляетъ: „Бомбы надо бросать въ толпу стачечниковъ, стремящихся повысить заработную плату и уменьшить рабочій день; такимъ образомъ они будутъ проучены, да и на другихъ примѣръ подѣйствуетъ.“

Однихъ бомбъ для истребленія голодныхъ рабочихъ буржуазіи мало, нужно еще отравлять рабочихъ: „Когда рабочіе просятъ хлѣба, говоритъ *Chicago Tribune*, дайте имъ хлѣбъ со стрихниномъ, чтобы въ другой разъ не приставали.“ Въ 1886 году, въ разгаръ движенія та же газета, какъ бы усомнившись въ достаточной силѣ стрихнина, говоритъ: „Лучшее средство противъ голодающихъ безработныхъ, это класть имъ въ лицу мышьякъ.“*)

Народъ! запомни эти слова, храни ихъ въ душѣ твоей, и вспомни ихъ, когда господа, именующіе себя демократами, придутъ къ тебѣ и будутъ просить у тебя голосъ твой и силу твою, обѣщая тебѣ всѣ блага міра и говоря всякія хорошія слова. Постарайся, чтобы, воспользовавшись твоимъ голосомъ и силою, они не накормили тебя стрихниномъ съ мышьякомъ, когда тебѣ захочется ѣсть.

Американскимъ рабочимъ тоже много обѣщали либералы да демократы. Вспомни твоихъ старшихъ братьевъ, воспользуйся ихъ урокомъ — они гибли и страдали, чтобы тебя учить.

Народъ! не будь великодушень, когда тебѣ удастся сорваться съ цѣпи — за твое великодушіе тебя ждуть штыки, да мышьякъ со стрихниномъ! Не будетъ тебѣ ни „хлѣба, ни воли“, пока ты окончательно не разрушишь капитализмъ и государство и на развалинахъ ихъ — этихъ твоихъ двухъ вѣковыхъ враговъ — не создашь міръ свободнаго труда, царство свободнаго коммунизма.

*) Эти факты мы заимствуемъ изъ рѣчей подсудимыхъ, главнымъ образомъ изъ рѣчи Парсонса. Замѣтимъ, кетати, что они не были опровергнуты на судѣ.

Народъ, не будь великодушень, когда тебѣ удастся сорваться съ цѣпи!

А тѣмъ, кто будетъ тебя упрекать за твои буйства, напхни вакханалію буржуазіи на трунахъ твоихъ погибшихъ братьевъ; вспомни петербургскія событія, гдѣ царь и его холопы злобу бессильную противъ японской арміи вымѣщали надъ безоружной толпой рабочихъ, ихъ женъ и дѣтей.

Народъ, не будь великодушень, когда тебѣ удастся сорваться съ цѣпи!..

* * *

Вернемся къ фактамъ.

Отовсюду доходятъ вѣсти въ Чикаго о побѣдахъ рабочихъ. Во многихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, капиталисты, узнавъ о готовившемся громадномъ движеніи, уступили еще до 1-го мая, въ другихъ мѣстахъ, гдѣ хозяева упорствовали вначалѣ, надѣясь на скорый конецъ движенія, рабочіе взяли 8-часовой рабочій день съ бою. Въ общемъ, въ продолженіе первыхъ двухъ дней всеобщей стачки около 200.000 рабочихъ добились 8-часового рабочаго дня; приблизительно столько же остановились на 10-часовомъ рабочемъ днѣ.

А Чикагская цитадель все еще не сдавалась! Хозяева выписали рабочихъ изъ другихъ мѣстъ и работа продолжалась. Понятная злоба стачечниковъ противъ измѣнниковъ, расла, съ каждымъ днемъ, принимая все болѣе и болѣе грозные размѣры. Ежедневно устраивались соборанія, гдѣ горячо осуждалось поведеніе измѣнниковъ въ стачкѣ. Стачечники ходили по фабрикамъ и мастерскимъ, гдѣ работали штрейкбрехеры, встрѣчая достойнымъ

образомъ тѣхъ, которые своей измѣною мѣшали успѣху стачки.

Съ одной изъ такихъ демонстрацій стачечниковъ противъ измѣнниковъ и началась *чикагская драма*.

* * *

Это было 3-го мая. Рабочіе направились къ фабрикѣ Макъ Кормикъ, гдѣ работали ихъ заблудшіе братья. Фабрика охранялась полиціей, но рабочіе не обращали на это вниманія — они не думали нападать на полицію, они шли отговаривать работавшихъ и были безоружны. Но оказалось, что полиція поджидала ихъ: какъ только рабочіе подошли близко къ фабрикѣ, полиція безъ всякаго вызова со стороны первыхъ, открыла пальбу по всѣмъ правиламъ военного искусства въ безоружную толпу.

Толпа ошеломленная, пораженная внезапною звѣрскаго и измѣнническаго нападенія полиціи*), съ минуту стояла какъ вкопанная, не вѣря глазамъ своимъ. У нея еще оставалась вѣра въ человѣчность полиціи и капиталистовъ, этихъ руководителей бойнь рабочихъ, ей казалось, что все это кошмаръ, она надѣялась, что никто не убитъ, никто не раненъ, что ничья кровь не пролита... Раздавшійся второй залпъ вывелъ изъ оцѣпененія толпу, показавъ ей, что полицейскіе — эти сторожевыя собаки буржуазіи — не на шутку стрѣляютъ, и рабочимъ, довѣрчиво пришедшимъ съ пустыми руками, пришлось бѣжать, бѣжать безъ оглядки.

*) Это была „хозяйская полиція“ — наемные Пинкертонцы. Пинкертонъ организовалъ свою хозяйскую полицію, а *Citizen Assolition* буржуазное общество, ведущее борьбу съ рабочими организаціями, наняла ихъ.

Но увы! не всѣ бѣжали — 56 человекъ остались на мѣстѣ, изъ которыхъ 6 были убиты, а 50 сильно ранены.

Шайка разбойниковъ, свора сытыхъ негодяевъ, годами подстрекавшая убивать и динамитировать рабочихъ, могла торжествовать: кровь ненавистныхъ имъ рабочихъ, кровь борцовъ за лучшее будущее, за большую справедливость, за большую свободу была пролита.

Торжествуйте, пируйте, радуйтесь, углубляйте пропасть, отдѣляющую васъ отъ народа — вашими же трупами онъ заполнить ее! Радуйтесь, богачи! Сегодня сила на вашей сторонѣ. Но придетъ день, и этотъ день не далекъ, — сила измѣнитъ вамъ, и передъ возставшимъ народомъ вы отвѣтите разомъ за всѣ ваши грѣхи! Кровь и грязь васъ вскормила, въ крови и грязи погибнете вы!

* *
* *

На другой день *Die Arbeiter Zeitung*, органъ двухъ выше названныхъ рабочихъ организацій, сообщивъ о совершившемся наканунѣ ужасномъ событіи, обратилась съ слѣдующимъ воззваніемъ къ рабочимъ:

„Необходимость заставляетъ кричать:

Рабочіе къ Оружію!

„Тигры, властвующие надъ вами и жаждущіе вашей крови, разстрѣляли вчера вашихъ братьевъ. За что?

„За то, что они имѣли дерзость заявить свое недовольство судьбою, которую эксплуататоры навязали имъ. Они просили хлѣба, — имъ отвѣтили пулями, очевидно рѣшивъ, что это лучшій способъ удовлетворять требованія рабочихъ.

„Въ продолженіе долгихъ лѣтъ вы безропотно переносили всѣ лишенія, оскорбленія, униженія, голодъ и холодъ. Вы работали съ утра до ночи, жертвовали всѣмъ, даже вашими дѣтьми — и все это для того, чтобы набивать золотомъ сундуки тѣхъ самыхъ господъ, которые угощаютъ васъ теперь пулями, за то что вы осмѣлились поднять голосъ за облегченіе тяжести гнетущаго васъ положенія.

„Вчера жены и дѣти убитыхъ оплакивали жертвы, павшія подъ пулями капиталистовъ, а наши господа въ своихъ дворцахъ, осушали бокалы съ шампанскимъ!

„Рабочіе, перестаньте плакать! Рабы, соберитесь съ силами и возстаньте!

„Народъ? Что ты хочешь? Рабство и голодъ или волю и хлѣбъ? Если ты хочешь хлѣба и волю, не теряй зря время; соберись съ силами и возмись за оружіе!..

„Смерть угнетателямъ! Безъ этого нѣтъ спасенія!

„Народъ! вспомни героевъ, которые кровью своею обогрѣли дорогу, ведущую къ прогрессу и свободѣ. Послѣдуй за ними, если можешь!

Ваши братья.“

Къ 5-му мая былъ созванъ митингъ комитетомъ тѣхъ же двухъ организацій. Огромная толпа рабочихъ собралась на площади Гей-Маркета. Трибуну занимали любимые ораторы толпы — анархисты Шписъ, Парсонсъ и Фильденъ. Просто, искренне, безъ громкихъ фразъ, они рассказали о случившемся, стараясь какъ можно яснѣе показать рабочимъ, что за грубою силою полиціи, скрывается могучая рука буржуазіи, которая и руководить ею во всѣхъ бойняхъ рабочихъ. Ораторы говорили сильно

и горячо, въ публикѣ было замѣтно оживленіе, но собраніе шло спокойно; и префектъ полиціи, пришедшій было съ твердымъ намѣреніемъ разогнать собраніе, измѣнилъ свое намѣреніе настолько, что самъ сталъ убѣждать жандармскаго офицера увести свое войско и не затѣвать исторіи. Но перстъ буржуазіи клонилъ событія къ иному. Она искала крови, она хотѣла кровавымъ урокомъ „отбить у рабочихъ охоту бунтовать“.

Митингъ шелъ къ концу, говорилъ послѣдній ораторъ Фильденъ, когда вдругъ на спокойную толпу набросилась цѣлая орда полицейскихъ, давя, топча, производя самыя яростныя натиски на безоружныхъ рабочихъ. Въ этотъ моментъ дикаго безумія полиціи кто-то, оставшійся неизвѣстнымъ до сихъ поръ, бросилъ бомбу, которая, взорвавшись, опрокинула человѣкъ 60 полицейскихъ — 6 было убито*), остальные ранены. Оставшіеся полицейскіе, а ихъ было много, открыли настоящую пальбу въ толпу. На помощь имъ прибыли новые отряды; и только начавшійся проливной дождь положилъ конецъ стрѣльбѣ. Убитыхъ и раненыхъ рабочихъ было много.

Изъ ораторовъ, говорившихъ на митингѣ, Шписъ и Фильденъ тамъ же были арестованы. Арестовали еще 5 товарищей — самыхъ видныхъ и энергичныхъ представителей движенія — Линга, Фишера, Энгеля, Неебэ и Шваба. Парсонсъ, значительно позже, узнавъ объ участи ожидавшей его товарищей, добровольно явился и отдался въ руки полиціи, чтобы быть судимымъ вмѣстѣ съ другими — ему хотѣлось раздѣлить судьбу своихъ братьевъ.

*) По другимъ свѣдѣніямъ больше.

* * *

Съ арестомъ перечисленныхъ лицъ движеніе собственно говоря прекратилось, т. к. все вниманіе рабочихъ съ этого дня сосредоточилось на спасеніи арестованныхъ товарищей. Они хотѣли спасти ихъ — наивные!

Буржуазія, однако крѣпко держала свои 8 жертвъ, полныхъ жизни и силы и, заранѣе предвкушая лакомый кусокъ, облизывалась отъ удовольствія, какъ жадный тигръ лижетъ на когтяхъ своихъ горячую кровь только что разтерзанной жертвы. Рабочіе добились кое чего въ этой борьбѣ, но за то буржуазія съ своей стороны, сдѣлала не меньшую добычу — она держала въ своихъ рукахъ душу движенія и торжественно собиралась придушить ее. Но прежде, ради формы она затѣяла судъ, или вѣрнѣе судебное комедьянство надъ своими жертвами.

* * *

Да, судебное комедьянство, т. к. ихъ не судили, ихъ явно, безстыдно душили. Процессъ, который длился очень долго, представляетъ собою небывалый въ исторіи примѣръ грубой лжи, циничной жестокости.

„Ничто не доказываетъ вашу виновность въ томъ преступленіи, за которое мы васъ судимъ, но мы васъ все-таки повѣсимъ, такъ какъ вы своей неустанной проповѣдью о несправедливости современнаго строя, разжигали классовую ненависть. Мы васъ повѣсимъ, потому что вы учили рабочихъ бунтовать, бороться за свои права, быть солидарными, смотрѣть на всѣхъ рабочихъ, какъ на своихъ братьевъ и на всѣхъ капиталистовъ, на всѣхъ хо-

зяевъ, какъ на своихъ враговъ. Мы васъ повѣсимъ, потому что вы учили рабочихъ бороться противъ государства, противъ частной собственности, за свободу и за равенство. Мы васъ повѣсимъ, такъ какъ вы нарушили «соціальный покой», подготовивъ вашей проповѣдью о свободѣ и равенствѣ гражданскую войну. Будь вы тысячу разъ невинны въ томъ, въ чемъ мы васъ обвиняемъ, мы васъ всетаки повѣсимъ, потому что вы анархисты!“

Вотъ что, казалось, хотѣли сказать, и не говорили судьи; ихъ поведеніе на судѣ, вынесенный приговоръ, все ясно показываетъ, что въ душѣ каждый изъ нихъ судилъ подсудимыхъ именно за эти преступленія. Да и какъ же иначе можно объяснить тотъ фактъ, что буржуазія не хотѣла соблюсти по отношенію обвиняемыхъ даже той условной лжи, которая на ея языкѣ называется правосудіемъ, законностью. Ибо даже съ точки зрѣнія буржуазныхъ законовъ, наши товарищи не заслуживали смертной казни, т. к. на судѣ явно обнаружилось, что къ взрыву бомбы на площади Гей-Маркетъ — а ихъ судили за это — они не были причастны.

Нѣтъ, ихъ даже не судили, ихъ душили! Ихъ душили за то, что они содѣйствовали и были душою развернушаго вдругъ грандіознаго движенія, заставившаго буржуазію пережить нѣсколько мучительныхъ дней, полныхъ страха и трепета за шкуру, за капиталы свои.

Присяжными были люди, извѣстные какъ заклятые враги 8-часового рабочаго дня. Среди всѣхъ этихъ принціпальныхъ враговъ рабочаго класса были такіе, которые жили въ рабочихъ кварталахъ — такихъ было 10 среди присяжныхъ. Прокуроръ потребовалъ ихъ удаленія: „Хо-

тя они и враги рабочихъ, хотя и ненавидятъ анархистовъ и готовы, какъ мы, задушить ихъ, хотя они и ярые противники 8-часового рабочаго дня, но они живутъ въ рабочихъ кварталахъ, можетъ быть имъ приходилось быть свидѣтелями несчастій рабочихъ, можетъ быть они видѣли горе, слезы и печали ихъ, и, пожалуй, когда обвиняемые, чтобы оправдать «бунтъ и безчинства», начнутъ говорить о нуждахъ и бѣдствіяхъ рабочаго класса, они, чего добраго, растрогаются... нельзя надѣяться на полную «безпристрастность» подобныхъ судей» — думалъ прокуроръ, требуя отъ суда замѣну десяти буржуевъ, жившихъ въ рабочихъ кварталахъ десятью буржуями, никогда не видѣвшими страданій рабочихъ.

Требованіе прокурора было удовлетворено. „Безпристрастный“ судъ былъ составленъ. Свидѣтелями противъ обвиняемыхъ были выставлены люди, безпристрастность которыхъ вполне гармонировала съ „безпристрастностью“ суда — шпионы въ мундирахъ и въ штатскомъ. Предсѣдатель суда былъ подкупленъ. Однимъ словомъ, нѣтъ подлости, которая не была бы совершена буржуазнымъ правосудіемъ, чтобы получить головы обвиняемыхъ.

Во время процесса свидѣтели нагло врутъ, противорѣчатъ другъ другу; не разъ и не два обвиняемые ихъ ловятъ съ поличнымъ. Они ясно доказали, что весь этотъ судъ есть ничто иное, какъ искусно построенная на огромныя деньги махинація, чтобы получить ихъ головы, но все было напрасно. Да и не могло быть иначе: судьи обязались, такъ сказать, вынести смертный приговоръ, получивъ заранѣе подходящее вознагражденіе. Отступать было нельзя.

Обвиняемые убѣдились въ первые же дни судебного процесса, что для нихъ уже смертный приговоръ подписанъ, что спасенія имъ нѣтъ, что буржуазія рѣшила ихъ придушить „для примѣра“, для устрашенія рабочихъ; поэтому они мало заботятся о защитѣ своей жизни — это было бесполезно. Нѣкоторые даже изъ нихъ, какъ напр. Лингъ, наоборотъ, дѣлаютъ своими рѣзкими нападеніями на судей все, что можно, чтобы получить смертный приговоръ — онъ считаетъ свою жизнь необходимой и полезной жертвой для оплодотворенія великой идеи освобожденія пролетаріата. Да, они охотно отдаютъ свою жизнь дорогому имъ дѣлу; все ихъ вниманіе сосредоточено на защитѣ правъ рабочаго, идеала своего — анархизма и своей тактики, что они и дѣлаютъ страстно и горячо, поражая присутствующихъ своими знаніями, логикою и преданностью на смерть великому идеалу полной свободы человѣка.

Буржуазія, какъ мы уже сказали, не заботилась даже внѣшнимъ образомъ о соблюденіи „законности“. Она видѣла передъ собой не людей, не отдѣльных личностей, а анархизмъ, и чтобы поразить этого врага, который росъ и крѣпкъ съ поразительной быстротою, она всѣ средства считала хорошими. И она упорно требовала головы своихъ жертвъ, думая убійствомъ восьми лучшихъ представителей рабочаго движенія положить конецъ всему рабочему революціонному движенію. Всѣ красныя фразы, которыми буржуазія обыкновенно любитъ прикрывать свои гнусныя дѣянія, исчезли, и процессъ принялъ настоящій классовый характеръ. Тутъ классъ боролся противъ класса. Шписъ отмѣтилъ это въ самомъ началѣ

своей рѣчи: „Я, какъ представитель одного класса, говорю съ вами, г.г. судьи, какъ съ представителями другого класса.“

Чтобы продлить свое спокойное существованіе, чтобы остановить быстро развивающееся анархическое движеніе, чтобы утратить бунтарей, чтобы отбить у рабочихъ желаніе бороться за улучшеніе своего положенія, буржуазія хотѣла показать примѣръ жестокой, мученической судьбы которая ждетъ каждого, кто осмѣлится посягнуть на ея права. И не останавливаясь ни передъ чѣмъ, ничѣмъ не смущаясь, топца ногами ею же писанные законы, она съ пѣною у рта требовала головы обвиняемыхъ...

Она получила эти головы. Пятеро изъ обвиняемыхъ были приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, а трое остальныхъ къ каторжнымъ работамъ.*)

Свора сытыхъ, шайка озолоченныхъ бандитовъ торжествовала: она, наконецъ, получила „законное“ право придушить тѣхъ, кто такъ напугалъ ее, показавъ ей страшный призракъ соціальной революціи.

*) Эти послѣдніе были освобождены въ 1893 году декретомъ губернатора Штата Иллинойсъ. Губернаторъ заявлялъ, что весь процессъ подсудимыхъ велся самымъ возмутительнымъ, самымъ безстыднымъ образомъ. Нужно прочесть докладъ, сдѣланный по этому поводу губернаторомъ, чтобы понять къ какимъ подлостямъ прибѣгла буржуазія для уничтоженія анархистовъ. Ложныя свидѣтельства, подкупъ судей и всевозможныя полицейскія махинаціи разоблачены въ этомъ докладѣ. „Поэтому, говоритъ губернаторъ Иллинойса, не будучи въ состояніи возратить жизнь повѣшеннымъ, я возвращаю свободу оставшимся въ живыхъ героямъ этого печальнаго дѣла.“

* *

За исключеніемъ нѣмецкихъ соціалъдемократовъ и ихъ вѣрныхъ холоповъ, весь міръ былъ возмущенъ этимъ повѣшеніемъ. Повсюду устраивались митинги, протестующіе противъ этой „классовой справедливости“, подписывались петиціи; высказывалось сочувствіе осужденнымъ рабочими всего міра. Американскіе рабочіе апеллировали въ высшія судебныя инстанціи, надѣясь, что пока соберется новый судъ „страсти“ улягутся немного и тогда можно будетъ спасти отъ смерти осужденныхъ. Рабочіе Чикаго также употребили всѣ свои силы, чтобы вырвать изъ когтей смерти своихъ братьевъ; но все оказалось бесполезнымъ — приговоръ былъ подтвержденъ.

Цѣлый годъ осужденнымъ пришлось ждать приведенія въ исполненіе приговора. Долгіе томительные мѣсяцы постоянного ожиданія петли! Наконецъ наступилъ день, положившій конецъ этой своеобразной пытки чикагскихъ мучениковъ — ихъ казнили 11 ноября 1887 года.

Американская буржуазія готовилась ко дню казни, какъ къ празднику. Но вотъ, желанный день пришелъ.

Посреди тюремнаго двора, гдѣ должна была происходить казнь, возвышались 4 висѣлицы: для Шписа, Парсонса, Фишера и Ангеля. А гдѣ же пятая висѣлица? Гдѣ Лингъ?

Еще на судѣ Лингъ заявилъ буржуазіи: „Не радуйтесь, господа — вамъ не удастся казнить меня“, и наканунѣ дня казни онъ привелъ въ исполненіе свои слова, закуривъ сигару, начиненную гремучею ртутью. Произошедшій сильный взрывъ оторвалъ голову Лингу, ту

самую голову, въ которой зародилось и крѣпко засѣло рѣшеніе, приведшее въ трепеть буржуазію — жизнью и смертью содѣйствовать великой идеѣ освобожденія пролетаріата.

Спокойно и мужественно встрѣтили смерть осужденные.

15 минутъ дергались въ воздухѣ трупы повѣшенныхъ, одѣтыхъ въ бѣлые саваны.

Вотъ они, чья участь была бѣдность, лишенія и страданія! Вотъ они страстные борцы за свободу и равенство! Вотъ они страстно любившіе народъ и бившіеся за торжество его поправленныхъ правъ. Вотъ они вчерашніе горячіе борцы и носители страшнаго призрака соціальной революціи! Ихъ уже нѣтъ, они задуплены! — Буржуазія, вся въ праздничномъ нарядѣ празднуетъ свое торжество.

Рабочіе! запомните это.

Запомните это и вы, хозяева!

* * *

Циничная радость буржуазіи передъ не успѣвшими еще остыть трупами борцовъ за свободу не должна насъ поражать — это обычное состояніе буржуазіи послѣ каждаго пораженія возставшаго пролетаріата. Каждый разъ, когда буржуазіи удается затопить въ крови попытку пролетаріата скинуть съ себя вѣками давящій его гнетъ, она предается необузданному, безумному разгулю.*)

*) Такъ было и въ 1898 г. при подавленіи миланскаго возстанія, извѣстнаго подъ названіемъ голоднаго бунта. И здѣсь также, казалось, всѣ каннибалистическіе инстинкты проснулись въ итальянской буржуазіи. Слова, которыми итальянскія дамы встрѣтили армію Гумберто, идущую на усмиреніе бунта

Вспомните геройскія усилія Парижской Коммуны, вспомните геройскую кончину этого великаго акта пролетаріата и вспомните вакханалію буржуазіи на трупахъ парижскихъ коммунаровъ.

„Смерть волкамъ, волчицамъ и волчатамъ!“ (т. е. рабочимъ, ихъ женамъ и дѣтямъ) кричала парижская буржуазія, убивая на улицахъ Парижа 35 тысячъ лучшихъ сыновъ парижскаго пролетаріата. А генераль Галифэ выбирая изъ толпы самыхъ старыхъ, велѣлъ ихъ разстрѣлять, говоря имъ: „Вы вдвойнѣ виноваты, потому что вы видѣли 48-ой годъ.“

Даже парижскія буржуазныя дамы, увлекшись настроеніемъ своего класса, требовали сожженія волчицъ и волчатъ; и когда еще съ улицъ Парижа не были убраны трупы коммунаровъ, павшихъ въ борьбѣ за свою свободу — парижскія дамы давали балы и обѣды, на которыхъ онѣ, стараясь угодить тѣмъ изъ гостей, которые отличались особеннымъ рвеніемъ въ борьбѣ съ возставшимъ народомъ, т. е. которые безъ разбору убивали „волковъ,

— „Mirate justo e tirate forte!“ (цѣльтесь мѣтко, палите крѣпко) — не должны быть забыты.

Генераль Бава Беккарисъ, сыгравшій роль маленькаго Галифэ, убивая безжалостно женщинъ и дѣтей, получилъ благодарность отъ короля, который прислалъ ему собственноручно подписанное письмо и далъ высшую награду.

Это надругательство надъ раздавленнымъ народомъ не прошло королю даромъ: три года спустя Гумберто палъ отъ руки рабочаго Бреши. „Кровавая расправа короля съ народомъ вызвали мой актъ. Король не только подписывалъ декреты объ усмиреніи, но и раздавалъ награды своимъ слугамъ за ихъ варварство по отношенію народа“, сказалъ Бреши на судѣ

волчицъ и волчатъ“, награждали ихъ ласками и нѣжными поцѣлуями. Эти мегеры и ихъ достойные сожители думали, истребивъ 35 тысячъ коммунаровъ, убить въ рабочемъ классѣ всякіе зачатки бунтовскаго духа, они думали уничтожить этимъ страшный призракъ коммунизма, который блуждалъ и продолжаетъ до сихъ поръ блуждать по Европѣ. Но они ошиблись въ расчетѣ — благодаря этимъ ужаснымъ звѣрствамъ, пролетаріатъ только приобрѣлъ право быть безжалостнымъ по отношенію буржуазіи, а буржуазія потеряла всякое право апеллировать къ человѣчеству. Своею жестокостью буржуазія не только не отбила охоту у рабочихъ „помышлять“ о революціи, но наоборотъ создала среди нихъ культъ революціи. Своими звѣрствами она не напугала рабочихъ, а создала въ нихъ настроеніе, отъ котораго жутко становится ей же самой.

Послѣ пораженія Коммуны, послѣ гнусной рѣзни и безумнаго разгуля, устроеннаго буржуазіей на трупахъ убитыхъ коммунаровъ, какъ въ рабочихъ кругахъ, такъ и въ социалистическихъ газетахъ того времени, вы слышите крики о возмездіи, читаете призывы къ мщенію. Это страстное желаніе мести является должною данью той вакханаліи, которую буржуазія устраиваетъ на трупахъ побѣжденных рабочихъ. Оно показываетъ, что своей расправой буржуазія не все убила, что въ пролетаріатѣ остались сила и энергія, которыя подготовятъ будущія возстанія, а черезъ нихъ социальную революцію...

Тѣ же самыя чувства, которыя испытывали подавленные, надруганные коммунары, пережили и чикагскіе рабочіе послѣ „чикагской драмы“. Гдѣ то намъ пришлось

прочестъ описаніе одного рабочаго собранія въ Чикаго. Говорили неизвѣстные люди, люди изъ толпы и потому, думаемъ мы, они могутъ быть лучшими выразителями чувствъ толпы. Это было обыкновенное очередное собраніе; читали книгу Бакунина „Богъ и Государство“ и комментировали. Старикъ-чтецъ прочелъ одну главу и объявилъ дебаты открытыми. Поднялся другой старикъ, одѣтый въ лохмотья, отчего его лицо апостола казалось еще свѣтлѣе и вдохновеннѣе.

„Я, началъ онъ, вѣрилъ раньше въ Бога моихъ предковъ, но вѣра моя улетѣла при столкновеніи съ людскою подлостью. Тѣмъ не менѣе мы всѣ должны вѣрить, но не въ того выдуманнаго бога справедливости, а въ нѣчто другое, которое должно по праву занять его мѣсто. Развѣ мы не страдаемъ всѣ одинаково отъ нищеты, не испытываемъ одинаково муки голода? Голодъ, нищета, позоръ, наши слезы и слезы нашихъ братьевъ должны вызвать въ насъ новую, могучую вѣру. Но вѣру во что?“ Тутъ ораторъ обвелъ взоромъ собраніе; царилъ глубокая тишина. Глаза всѣхъ были обращены въ лицо апостола, съ трепещущихъ губъ котораго, должно было сорваться желанное, всѣми ожидаемое слово. — „Какую же вѣру, продолжалъ онъ можетъ создать страшная сила человѣческаго страданія? Вѣру въ революцію, въ мщеніе, въ неукротимую ненависть къ тѣмъ, кто мѣшаетъ намъ жить, кто давитъ насъ, кто убиваетъ насъ и нашихъ братьевъ.“

Шумъ восторженныхъ восклицаній привѣтствовалъ эти слова старика: „Революція! Да, революція! Пора намъ сбросить съ себя иго страданія!“

Старикъ продолжалъ: „Мы стоимъ внѣ общества. Мы не можемъ имѣть ни связей, ни имущества, ни какихъ нибудь другихъ интересовъ, потому что мы принадлежимъ исключительно революціи. Разрушеніе должно быть единственною цѣлью нашей жизни. Между нашими властителями и нами не можетъ быть перемирія; мы должны неустанно бороться съ ними, и наши орудія самозащиты должны быть такъ же сильны, какъ ихъ орудія нападенія: кровь, смерть, огонь, вотъ чѣмъ должны мы отвѣчать на угнетеніе, нищету и голодъ. Заглушимъ же въ своей душѣ самыя дорогія намъ чувства — семья, любовь, дружба существуютъ не для насъ! Революція должна быть единственною цѣлью, единственною радостью нашей жизни...“

Своей звѣрской расправой буржуазія не убила революціоннаго духа въ народѣ — страстные слова великаго неизвѣстнаго старца тому залогомъ.

Неизвѣстный старикъ, духъ угнетеннаго народа, ты правъ! Революція, только революція, носительница свободы и правосудія — наша надежда. Она одна можетъ насъ освободить, она одна отомститъ за наше оскорбленіе, за наше униженіе, за наше угнетеніе. Она одна должна быть цѣлью и радостью нашей жизни.

* * *

Сѣмя брошено, ничто не въ силахъ остановить его ростъ. Подождите радоваться, угнетатели! Настанетъ день, и день этотъ не далекъ, — разольется могучій потокъ жизни и свободы, какъ горный ручей отъ бурныхъ

приливовъ во время проливного дождя, и тогда передъ возставшимъ народомъ отвѣтите вы разомъ за всѣ ваши грѣхи!

Кровь и грязь васъ вскормила, въ крови и грязи погибнете вы!

К. Иліашвили.

ДРАМА ВЪ ЧИКАГО.*)

Наши братья умерли, убитые буржуазіей среди бѣла дня, въ общественномъ мѣстѣ въ Чикаго, въ полдень 11-го ноября. Они шли на смерть съ пѣніемъ Марсельезы и умерли съ крикомъ „Да здравствуетъ анархія!“

Еще наканунѣ миллионы рабочихъ просили буржуа: „Не убивайте ихъ!“ Повинуясь голосу своего сердца, они снизошли до мольбы. Ихъ голоса были заглушены криками своры сытыхъ: „Смерть!“

Преступленіе совершилось. Ничто никогда не изгладитъ его. И изъ груди тѣхъ самыхъ миллионовъ рабочихъ, которые вчера еще готовы были протянуть руку и многое простить буржуазіи, сегодня вырвался только одинъ крикъ:

— Смерть? Хорошо, пусть будетъ смерть! Свобода, равенство, братство или смерть, говорили наши отцы. Не нужно братства, говорите вы? Ну такъ да здравствуетъ смерть, ведущая къ свободѣ и равенству!

— Довольно разсужденій! Веревку! кричали буржуа въ газетахъ.

Хорошо, пусть будетъ такъ!

— Не можетъ быть соглашеній между нами и тѣми, кто хочетъ лишить насъ собственности! Смерть! говорили они въ своихъ комиссіяхъ.

*) Изъ газеты *Révolte*, № 10 183 7-го года.

Пусть такъ!

— Пусть свинецъ и порохъ, пусть топоръ и веревка рѣшаютъ споръ. И мы увидимъ, говорили они, на чью сторону порохъ и свинецъ, веревка и топоръ склонятъ вѣсы!

Пусть такъ, увидимъ!

— Пусть смерть будетъ высшимъ аргументомъ!

Пусть!

Послѣднія слова Парсонса, сказанныя имъ публично, были слова мира. На крикъ одного изъ участниковъ 4-го мая: „На веревку Джэя Гульда, милліонера!“ онъ ствѣчалъ:

— „Война съ учрежденіями, но съ людьми миръ.“

„Нѣтъ, нѣтъ! свирѣлствовали буржуа. Война съ людьми, въ особенности съ тѣми, кто составляетъ силу учрежденія! И пусть это будетъ война безпощадная, пусть она наводитъ ужасъ и леденить воображеніе!

Пусть такъ!

— Но у людей есть жены и дѣти! За что-же наносить ударъ малюткамъ? За что мучить женщину, эту мученицу человѣчества, которая будетъ страдать всю жизнь не имѣя даже могилы, на которой она могла-бы выплакать свое горе?

— Къ чорту ихъ женъ! Къ чорту ихъ потомство! отвѣчаютъ сытые.

Хорошо, пусть такъ! Мы принимаемъ это буквально. И когда милліоны рабочихъ, въ Америкѣ, въ Европѣ, въ Австраліи, кричали имъ: „Не убивайте нашихъ братьевъ! Они отдали всю свою жизнь за наше дѣло. Не углубляйте пропасти, раздѣляющей насъ. Чѣмъ глубже

она будетъ, тѣмъ больше понадобится труповъ, чтобы заполнить ее. Довольно убійствъ! Если капиталъ бездушенъ, то ~~вы~~ должны имѣть душу, ваши жены могутъ имѣть ее! Тогда имъ отвѣчали:

— „Къ чорту съ вашимъ сантиментализмомъ! Бомбы для черни и веревка для вожаковъ!“

Хорошо, пусть будетъ такъ! Пусть по всѣмъ пунктамъ исполнится ваша воля. Пусть каждое слово вашего урока врѣжется огненными буквами въ сердца рабочихъ.

А когда смерть, въ качествѣ „высшаго аргумента“, начнетъ косить направо и налево; когда вернутся сентябрскіе дни — а они вернутся, вы постарались объ этомъ — и когда топоръ и веревка очутятся въ рукахъ тѣхъ, кто слишкомъ часто склонялъ голову на плаху, если тогда одинъ изъ тѣхъ, чье сердце обливается кровью при видѣ бойни, скажетъ опять: „Пожалѣйте этихъ людей, этихъ женщинъ и дѣтей! Состраданіе къ человѣчеству!“ ему отвѣтятъ:

„Развѣ ты забылъ 11 ноября 1887-го года? Развѣ ты забылъ дикій танецъ буржуа, топтавшихъ трупы нашихъ братьевъ и кричавшихъ милліонамъ рабочихъ:

Бомбы для васъ, каналы, если вы посмѣете возстать хотя-бы только ради стачки, и веревка для вашихъ вожаковъ!“

Есть преступленія, воспоминаніе о которыхъ изгладилось. Но есть и такія, память о которыхъ не изгладятъ и вѣка. И это преступленіе не забудется.

Вѣтъ черное знамя. Кровью нашихъ братьевъ написали они на немъ: „Рабство или смерть!“

Ну, нѣтъ! Свобода, равенство или смерть!

* *
* *

Длинень списокъ рабочихъ, павшихъ за время, протекшее съ 1878-го года, когда снова начались столкновения между бѣдными и богатыми, между управляемыми и правителями. Трепетъ охватываетъ при этихъ воспоминаніяхъ. Но все это блѣднѣетъ передъ драмой Чикаго.

Мы видѣли арагонскаго бондаря Монкази, задушеннаго испанскимъ ошейникомъ, послѣ двадцати четырехъ-часовой пытки въ горячей камерѣ, и въ такомъ видѣ, обезображеннымъ трупомъ, выставленнаго на показъ на площади Мадрида. Видѣли Геделя, обезглавленнаго на плачемъ, одѣтымъ въ черный сюртукъ — праздничный нарядъ буржуазіи. Видѣли Нобилинга, дважды открывавшаго себѣ жилы, въ надеждѣ лишить такимъ образомъ буржуазію удовольствія видѣть его казнь, и все-таки всташеннаго на эшафотъ. Трепетали отъ негодованія при рассказѣ о казни Перовской и ея четырехъ друзей, когда пьяные палачи трижды вѣшали Михайлова, пока не dokonчили его; тянули повѣшенныхъ за ноги, вызвавъ одного изъ присутствовавшихъ при казни на заявленіе, что онъ видѣлъ много ужасныхъ казней на востокѣ, но никогда не видалъ ничего подобнаго. Кровь стыла въ жилахъ, когда буржуа чеканили монету съ изображеніемъ удушеннаго Олива, а другіе буржуа, дамы и кавалеры, любители сильныхъ ощущеній, раскупали ее тысячами. Видѣли шествіе Рейнсдорфа на эшафотъ, подѣйствовавшее потрясающимъ образомъ даже на корреспондентовъ самыхъ буржуазныхъ газетъ.

Все это видѣли и пережили. Цѣлый длинный рядъ убійствъ и всевозможныхъ жестокостей прошелъ передъ глазами нашего поколѣнія въ короткій промежутокъ девяти лѣтъ. Съ этимъ свыклись, казалось: „Нѣсколько минутъ страданія — вотъ и все,“ — и старались успокоиться, старались не думать о матеряхъ, о женахъ и дѣтяхъ казненныхъ.

Но сразу наступило общее пробужденіе, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Чикаго пять человѣкъ осуждено на смертную казнь. Пять висѣлицъ изъ-за ничего — это было слишкомъ даже для нашего поколѣнія, чувствительнаго къ малѣйшей собственной боли, но съ полнымъ спокойствіемъ относящагося къ чужимъ страданіямъ.

Смутно почувствовали рабочіе, что этими казнями буржуазія бросаетъ вызовъ народу; они смутно поняли, что казнь чикагскихъ анархистовъ должна получить историческое значеніе. Поняли они опять-таки смутно, что если эти казни совершатся, буржуазія всѣхъ странъ получитъ полную свободу, ничѣмъ не стѣсняясь, убивать рабочихъ.

Это было пробужденіе, но оно пришло слишкомъ поздно.

Въ самомъ дѣлѣ, съ того дня, когда версальцы разстрѣляли, почти черезъ годъ послѣ Коммуны, Ферре, Россели и Буржуа, не было казни, которая такъ нарушала бы всѣ общепринятые понятія, всю условную ложь на счетъ правосудія. Ферре все-же участвовалъ въ Коммунѣ, онъ сражался съ оружіемъ въ рукахъ. Монкази и Олива, Гедель и Нобилингъ, Перовская и Рейнсдорфъ брались за оружіе.

Ничего подобного въ Чикаго. Въ этой американской демократіи, гдѣ Гульды и Беннеты могущественнѣе любого европейскаго монарха, гдѣ золото — все, а человѣкъ не имѣющій гроша, является *бродягой*, въ котораго первый встрѣчный полицейскій можетъ разрядить свой револьверъ, — въ этой *демократіи* повѣсили людей за рѣчи, за участіе въ Интернаціоналѣ. Ихъ повѣсили за рѣчи, которыя не преслѣдовались ранѣе, за старыя статьи въ старыхъ газетахъ, за принадлежность къ Международной Ассоціаціи Рабочихъ, хотя ранѣе одобряли динамитный походъ О'Донована Росса противъ Англіи, аплодировали ирландскимъ бомбамъ, бросаемымъ въ англійскій парламентъ, въ толпу женщинъ, гулявшихъ въ лондонской Башнѣ, въ рабочихъ, проѣзжавшихъ по туннелямъ Метрополитэна.

Что дѣлало казнь трижды гнусной, такъ это вакханалія буржуа, разыгравшаяся вокругъ висѣлицъ. Казнь совершилась подъ такіе отвратительные, грязные и безстыдные клики буржуа, что даже эхо ихъ ослабленное разстояніемъ, достигнувъ Европы, вызвало тамъ взрывъ негодованія, и даже англійскихъ консерваторовъ и офицеровъ это негодованіе заставило высказать публично свой протестъ.

Всѣ они были бѣдны; всѣ работали всю жизнь; всѣ развиты, образованы; у всѣхъ въ прошломъ цѣлая жизнь безграничной, безкорыстной преданности взятому на себя дѣлу; всѣ были любимы братски рабочими; нѣкоторые отказались отъ выгодныхъ предложеній, чтобы остаться неизвѣстными рабочими, вести жизнь и идти къ смерти, ожидающей человѣка, который душой и тѣломъ отдается анархіи.

И именно поэтому, не найдя ни въ чемъ упрекнуть ихъ, даже въ честолюбіи, продажная американская прес-са осыпала ихъ пошлыми ругательствами, подлыми, глупыми и грубыми оскорбленіями.

* * *

Пятнадцать мѣсяцевъ агоніи!

Они были приговорены къ смерти въ августѣ 1886 года. День казни былъ назначенъ. Но американскіе рабочіе въ своемъ излишнемъ довѣріи къ законамъ, употребили неслыханныя усилія чтобы, передать дѣло въ другіе суды. Въ надеждѣ на то, что время успокоить расходившіяся страсти, дѣло перенесли въ верховный Судъ Иллинойса.

Верховная продажная клика употребила цѣлые мѣсяцы на то, чтобы собраться, выслушать дѣло и постановить приговоръ. Дѣло слушалось въ маѣ, приговоръ произнесенъ въ сентябрѣ. Судъ утвердилъ прежній приговоръ, но съ утонченной жестокостью, характеризующей все это дѣло, казнь была назначена на 11 воября!

Прибавилось еще два мѣсяца агоніи къ уже истекшему году. Два долгихъ мѣсяца муки, борьбы надежды съ отчаяніемъ для ихъ женъ. Два страшныхъ, мучительныхъ мѣсяца приготовленій къ смерти!

Это было уже слишкомъ! Поэтому даже среди буржуа нѣкоторые возмутились этой излишней жестокостью и стали кричать: „Довольно! Положите конецъ этой комедіи смерти!“

Но американскихъ буржуа не могли разстрогать такіе пустяки, и въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ они на всѣ

лады изощрялись въ мучительствахъ надъ женами приговоренныхъ.

Они сладострастно смаковали каждую подробность будущей казни и, поджигая своихъ жертвъ на медленномъ огнѣ, изо дня въ день толковали объ ихъ смерти.

„Жены анархистовъ шьютъ имъ саваны для висѣлицы,“ писали продажныя писаки. — „Заказана веревка, на которой повѣсятъ анархистовъ.“ — „Она уже готова.“

— „Палачъ въ затрудненіи: казнить сразу пятерыхъ кажется ему слишкомъ большимъ трудомъ.“ — „Съ веревкой, на которой повѣсятъ анархистовъ, дѣлаютъ опыты. Она выдерживаетъ такой-то вѣсъ. Этого достаточно: свиньи успѣютъ похудѣть до тѣхъ поръ.“ — „Все это лишняя роскошь; ихъ слѣдовало-бы повѣсить на простой бичевкѣ, чтобы она четыре или пять разъ оборвалась раньше, чѣмъ покончить съ ними,“ прибавляли писаки, желая выказать остроуміе. — „Ихъ повѣсятъ въ два приѣма.“ — Кого первымъ? Парсонса и Шписса? — Нѣтъ, Ангеля и Линга. Шписсъ нервный — пусть онъ полюбуется, какъ его друзья запляшутъ въ воздухъ.“ И такъ далѣе, въ продолженіи мѣсяцевъ. И все это рисунокъ веревки, планъ эшафота, шутки сводниковъ, механизмъ траппа — все это изо дня въ день доставлялось осужденнымъ и ихъ женамъ.

Нѣтъ, никогда не сумѣемъ передать весь ужасъ, отвращеніе, ненависть и омерзѣніе, испытанныя нами при чтеніи тогдашнихъ американскихъ газетъ! А между тѣмъ все это читали они, приговоренные, и эти героини, жены Парсонса, Шписса Шваба и Фишера.

Вы, жены рабочихъ, вы сумѣете перечувствовать весь ужасъ этой утонченной жестокости и, если у васъ есть

сердце, способное любить, вы научитесь ненавидѣть. Вы возненавидите на смерть этихъ господъ въ золотыхъ часахъ и этихъ мегеръ въ шелковыхъ платьяхъ, которыя мучили вашихъ сестеръ съ такой неслыханной омерзительной жестокостью.

Клянитесь-же въ смертельной ненависти къ нимъ! Воспитайте своихъ дѣтей въ этой ненависти!

* *
* *

Наши братья повѣшены въ пятницу, 11-го ноябрю въ полдень.

Наканунѣ Шваба и Фильдена (англичанина) отправили въ безсрочную каторгу; Линга уже не былъ въ живыхъ, — и буржуа скрежетали зубами при мысли, что они увидятъ только четыре висѣлицы.

Четыре висѣлицы были устроены во внутреннемъ дворѣ чикагской тюрьмы, стѣны которой охраняло болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Дальше, въ 500 шагахъ отъ стѣнъ, тюрьму окружалъ другой кордонъ изъ войска и полиціи. Въ пространство, остававшееся свободнымъ между этимъ кордономъ и стѣнами тюрьмы, не впускали никого безъ письменнаго разрѣшенія шерифа.

Еще дальше, за кордономъ не особенно многочисленная толпа, на двѣ трети, по слухамъ, состоявшая изъ переодѣтыхъ сыщиковъ, постоянныхъ и нанятыхъ спеціально для этого случая.

Жены осужденныхъ прошли черезъ первый кордонъ и просили разрѣшенія войти въ тюрьму, въ послѣдній разъ обнять дорогихъ имъ людей. Въ этомъ имъ грубо отказали и прогнали. Жена Парсонса, пришедшая со всѣ-

ми своими дѣтьми, не хотѣла уходить и отчаянно сопротивлялась, но ее вытолкали, арестовали и вмѣстѣ съ дѣтьми отвѣли въ тюрьму.

Осужденнымъ приговоръ въ окончательной формѣ былъ объявленъ, по полудни. Когда Швабъ и Фильденъ узнали, что смертная казнь замѣнена имъ каторжными работами, на ихъ лицахъ, говорить телеграфное сообщеніе, выразилась грусть. Оба заявили, что предпочли-бы моментальную смерть медленной. „Ни одинъ мускуль лица не дрогнулъ у Фишера и Энгеля,“ продолжаетъ телеграмма. „Парсонсъ невозмутимо улыбнулся. Шписсъ разразился страстной рѣчью противъ убійцъ“.

Энгель до послѣдней минуты былъ веселъ. Всю ночь проговорилъ онъ со своимъ сторожемъ, рассказывая ему разные анекдоты въ перемежку съ анархической пропагандой. „Значить, вы не боитесь смерти?“ спросилъ сторожъ. — „Вы-же видите меня!“ отвѣтилъ Энгель. Тѣмъ не менѣе онъ и Фишеръ выражали сожалѣніе, что не могли послѣдовать примѣру Линга и тѣмъ лишить буржуа лишней радости.

Парсонсъ тоже проговорилъ всю ночь, а когда уставалъ говорить, пѣлъ или ходилъ. Шписсъ выгналъ методистскаго священника, явившагося отравлять ему послѣднія минуты жизни. „Я помолюсь за васъ,“ сказалъ тотъ, уходя. — „Молитесь за себя — вы въ этомъ больше нуждаетесь, чѣмъ я!“ отвѣтилъ Шписсъ и снова принялся за письма. Ночью онъ бесѣдовалъ съ приставленными къ нему двумя сторожами объ анархіи, о социальной борьбѣ, о судебномъ комедіанствѣ.

Во все это время стукъ молотковъ возвѣщалъ имъ, что на дворѣ, подъ ихъ окнами столяры работаютъ надъ

висѣлицей. „Всѣ осужденные“, передаетъ телеграфъ, „хорошо слышали этотъ стукъ, но онъ, повидимому никого не волновалъ.“

На разсвѣтъ всѣ заснули сномъ праведныхъ.

Съ утра они снова занялись письмами и отвѣтами на приходившія имъ со всѣхъ концовъ безчисленныя телеграммы. Энгель завязалъ теологическій споръ съ пришедшимъ къ нему методистскимъ священникомъ, пытался выяснить послѣднему все лицемѣріе его роли. Методистскій халуй опять посѣтилъ Шписса, но тотъ закурилъ сигару и писалъ все время, пока попъ читалъ свои молитвы.

Фишеръ рассказывалъ сторожу, что во снѣ онъ видѣлъ себя ребенкомъ, въ своемъ домѣ въ Германіи и со всей непосредственностью дѣтства снова пережилъ тѣснившіяся въ его головѣ впечатлѣнія юныхъ лѣтъ.

Палачи между тѣмъ подъ ихъ окнами пробовали новый механическій трапъ.

Фишеръ запѣлъ Марсельезу, изъ сосѣднихъ камеръ его братья тотчасъ-же отвѣтили ему тѣмъ-же, и могучими звуками революціоннаго гимна привѣтствовали они ожидающую ихъ мученическую смерть.

Только въ одиннадцатъ часовъ пятьдесятъ минутъ пришли за ними. Было сдѣлано все, чтобы продлить ихъ муки. Ахъ, если-бъ кто-нибудь изъ нихъ разразился рыданіями, какое это было-бы торжество для буржуа! Когда Шписсъ, получивъ письмо и прочитавъ его, задумался на минуту, то эта минутная задумчивость была отмѣчена и подчеркнута прессой.

Но наши братья не доставили врагамъ желаннаго зрѣлища. До конца остались они спокойными, спокойно взо-

шли на эшафотъ. Когда ихъ поставили въ рядъ подѣ четыремя висѣлицами. Парсонсъ началъ рѣчь:

„Мужии жены Америки...

Нобѣлый капюшонъ и веревка прервали его слова.

„Наше молчаніе, воскликнулъ Шписсъ, сдѣлаетъ больше, чѣмъ нашъ голосъ, который вы теперь душите!“

— „Да здравствуетъ анархія!“ вскричалъ Энгель.

— „Это счастливѣйшая минута моей жизни! Да здравствуетъ анархія!“ провозгласилъ Фишеръ въ ту минуту, когда капюшонъ и петли падали на его вдохновенное лицо; уже закрывали его кроткіе глаза.

Секунду спустя, открылся траппъ, и всѣ четверо сразу повисли въ пространствѣ.

У Парсонса переломило спинной хребетъ, и онъ только слегка вздрогнулъ. Энгель, Фишеръ и Шписсъ бились въ страшныхъ конвульсіяхъ. Лишь въ двѣнадцать минутъ перваго — черезъ четырнадцать минутъ — у нихъ исчезли признаки жизни.

Тѣла ихъ были выданы роднымъ и товарищамъ и погребены въ тотъ-же день.

Могучимъ призывъ вашъ къ анархіи былъ,
Намъ смерть ваша то доказала.
Но самую смерть тотъ призывъ пережилъ,
И рухнутъ твердыни предъ нимъ Капитала!
Товарищи! Скоро рабочій народъ
Свои вѣковыя оковы стряхнетъ,
На ваши могилы придетъ
Вамъ вѣчную память споетъ.